

Станислав МИШНЕВ

Вологодская область

позабывшее, когда он, с тремя медалями и орденом Красной Звезды, вдохнул запах родной деревни... Едва вышел на бугор, увидел дым из труб, родину свою, в мечтах воспетую, тут всего и обняло, и понесли усталые ноги в даль, в пьянящее пространство... А дома прислонился к рябине — она пылает оранжевым жаром — будто к щеке отца прижался; вот в этом хмельнике что-то возилось, каждая былинка, ползущий по своим делам жучок радовались его возвращению, говорили на понятном, хоть и неуловимом языке; выбежала мать на крыльцо, всплеснула руками и зашлась в крике... Потом мысли и чувства Аркадия Михайловича совершенно запутались. Возле него стояло его счастье, желанное и редкое: его жена, его дети. И вот он слышит, как отживает его тоска, счастье смеётся, кричит, будит ночами, воркует голубицей, делает первые неверные шажки по избе, бежит веселое с корзиной еды к нему на покос, а он, точно слепой, не может видеть лица счастья; и тогда счастье обиделось и пропало; явились мрак и грохот, торжествуют глупый смех, отчаяние, призывы смерти, приволоклись две подружки — досада и хандра. Все мысли бросились удержать счастье, хоть на минутку отодвинуть миг прощания. Даже пальцы похолодели от напряжения и волнения. Аркадий Михайлович досаду

Светало скучно и зябко. Старый вояка Аркадий Михайлович сидит на лавке у окна. Одиночество, скука и ночное безмолвие настраивали воображение на свой лад. Тусклое утро, холодная изморось, нигде нет защиты от сырости и ветров; сегодня вроде тихо вокруг, хотя и не торжественно, да и не в торжественности смысл рассвета, а в этой еще живой ночи и в неведомых дорогах, по которым идут и едут в этот час люди, в памяти. Во дворе, на пустой деревенской улице, в неухоженном хмельнике, в покосившейся соседской сарайке, всюду, куда доставали глаза, свет боролся с тьмой. Ему опять вспомнилось что-то далекое, минувшее и

и хандру называл «комиссарками». Когда они являлись, из каждой щели избы так и тянуло тоской, подушки казались каменными, радио бормотало на тарабарском языке. Сиротливо ныла душа. «Комиссарки» уподоблялись незваным гостям на чужом празднике: вьюге, пыли, дреме, бегущему вихрю; они жили непонятной жизнью, кружились на одном месте, аукались, оплакивали свою горькую долю. Свою ли? — нет, его долю. Аркадий Михайлович молча улыбался, ожидая упрёка; потом, подумав более углубленно, раскаялся: никакие «дамы» не могут заменить ушедшую из жизни жену, разлетевшихся по земле детей и внуков. Без своих домашних и дни серые, нерадостные, жизнь укорачивается на прожитый вздох; жена умерла два месяца тому назад, а деток ветер удачи давно унес из родного гнезда. Воображаемые «подружки» стояли перед ним как живые, такие нахальные, такие зловредные, и не спешили оставить старика. Тогда он просил «комиссарок комиссарить» в другой избе. Доставал с полатей гармонь, наливал рюмочку водки, лукаво грозил пальцем в окно — на свет «комиссарки» прыгали охотнее, чем выходили через двери, выпивал за упокой всех погибших на войне и играл «Вдоль по деревне».

Сегодня обещался приехать торгош за картошкой. Колхоз на ладан дышит, но стойко выдерживает нападку своих хулителей. Колхоз сравним с застарелой язвенной болезнью. Его проклянут и проклинают, ловчат и потешаются над «безголовыми руководителями», исправно получают «потом и кровью» заработанные рубли, но колхоз — это хорошее корыто и надежная крепость. Клюква да картошка — весь побочный заработок сельчан. Собрались мужики со всей деревни около магазина, уселись на сваленные в кучу ящики, кто на дорогу из Хохлачевска засматривается, кто басни, что Аполлон рыжий сочиняет, слушает. Аполлон рыжий тоже старик, на семь лет моложе Аркадия Михайловича. Вчера Аполлон рыжий опять нагрубил жене: налеп, просит, после бани соточку, царь Пётр завещал после бани кальсоны продать, а выпить, а жена в упор всем «самосвалом»:

— Скоро вся Расея передохнет от этих сточечек!

Слово за слово, и припомнил Аполлон давнишнее: три месяца после свадьбы жена к себе его не подпускала, всякие бабьи хитрости плела, мол, то планеты не по тем углам легли, то она не привыкла к положению замужней, то не готова, то родители мешают... бывало, эти три месяца за жизнь не раз «рубил» под горячую руку, вспоминал и прощения назавтра не просил: никто не может быть мудрым во всякую минуту:

— Ага! Я те телок, да?! Меня можно дурить, меня можно оманывать! А ты скажи, скажи, верная моя женушка, што растрясла невинность да удобный случай поджидала!

Раскипятился вчера Аполлон рыжий. Сегодня с утра отлегло от сердца: а леший с ней, с невинностью! Обдурить, может, и не обдурила, ребята все рыжие, уж куда масть точнее, может, жена короля заморского дожидалась, может, у неё особенные виды на замужество были...

— Вот, ребята, после войны ходил я пристяжным у Аркаши Мишёнка. Это честь была, и честь большая, с кем Аркаша робит. Мы с ним на жнейке до обеда гектаров пять ржи выхлещем да после обеда десять...

— Да ночью пятнадцать! Ты хоть лошадей выпрягал покормить? — смеётся жилистый костлявый тракторист Манкин. На лице у Манкина глазищи — хоть займы проси — серые, ясные, но какие-то с испугом.

— А то! Тогда, ребята, порядок был ого-го! В МТС опоздал на полчаса, получи три месяца принудиловки, так-то! Ты не гогочи, Ондрюшка, спроси-ко свою бабку, как за горсть колосков два года торф под Ленинградом черпала! Не выпрягал...

Свежий, здоровый, как рдеющее яблоко, выкатился из дому сынишка председателя колхоза. На бегу вырвал завялый лопух, подскочил к пасущемуся на веревке бычку бухгалтерши Нины и давай бить лопухом бычка по рогам.

Бычок расставил пошире передние ноги, наклонил голову и пошел на обидчика. Парнишка кинулся бежать прочь. Мужики захохотали.

— Штаны не стряси! — Манкин сунул в рот пальцы, свистнул.

— Велик ли Геракла вырос, а злость на скоти-

не безвинной точит, — говорит Аполлон рыжий. — А как в силу войдёт?

— Тогда на нас точить станет, — опять гогочет Манкин.

— Еще как! — подтверждает Аполлон рыжий.

Приезжий торгош оказался человеком прибойным. Его молодое лицо выражало безграничное удовольствие, и сдержанная улыбка как приклеилась к губам. С помощью мужиков весы установил, на весы встал, говорит:

— Ну, господа-товарищи и прочие сознательные, проверяйте: 80 кг. Первому продавцу — почет, второму — уважение.

— А мне што заднему? — спрашивает Аполлон рыжий.

— Бабу! — кричит Манкин. — Таковую пудов на семь!

— Вавилон ты, Васька! Крой свою крышу, через чужую не мочит.

Приковылял к весам Аркадий Михайлович. Оперся на батог. Появление его сопровождалось хриплым тяжелым дыханием.

— Почем берут? — спрашивает всех.

— А сколь запросишь, Аркадий Михайлович, — Аполлон рыжий приподнял картуз. На его лице выразилось уважение. — Здравствуйте вам.

— Здравствуй, Аполлоша, здравствуй. Сбыл свою-то?.. Есть у меня, мужики, мешков пяток, как и дотарапать, не знаю... Эх, был бы колхоз по-прежнему в силе, а то...

— Не тужи, старина, — смеётся торгош. — Машина ходит. Вот, господа-товарищи, был я в Германии на стажировке прошлый год. Муж да жена вдвоём держат сто коров, плюс гуси, три гектара картошки, свиней штук тридцать, а сколько у вас в колхозе коров?.. Во, двести с гаком. А народу около них сколько трётся?.. Во, тридцать...

— С начальством пятьдесят! — кричит Манкин.

— Во, пятьдесят... Так какая же сила в вашем колхозе, а? Сплошной убыток.

— В каких землях у фрицев побывал? — интересуется Аркадий Михайлович.

— Есть такой город Кассель, вот там.

— Кассель, Кассель... на реке Фульде? Фульда сливается с Виррой и начинается Везер?

— Вот это память!.. Это надо же!

— Хорошо удобрены поля под этим Касселем... роты несчитанные лежат. Дак заскочишь?

Сумерки. Серпик луны кидает в прогалины спящие улицы, на заборы, железную крышу магазина «Гамма». Трое мужчин стоят у черных дверей магазина, пыхтят сигаретами, порой их взгляды обшаривают небо, по которому несутся серые облака, по временам просыпающие снежную крупку.

Трое ждали четвертого.

Когда в независимой России все чаще стали читать псалтырь по слову верному «товариш», беспартийный демократ Коля Уткин поимел намеренье подвизаться под господина Уткинса, дескать, наш род вышел с берегов туманного Альбиона, но, прикинув, каково будет потомку гордых англосаксов жить среди нищей русской братии, отказался. И, оставаясь русским, около двенадцати часов дня валится подремать на пуховик, живой рукой готовит что-нибудь поесть к шести — в шесть придет супруга с казенной службы и притащит из садика детишек, уткнется в телевизор и станет Христа ради просить дать ей возможность отдохнуть на очередной серии мыльной оперы, около восьми вечера Коля Уткин выходит подышать райцентровским воздухом. Попробовал себя на предпринимательской стезе: родил фирму «Нобель» — установка железных дверей и решеток на окнах в квартирах богатых людей, но дело не нашло своего прибыльного развития из-за малого количества толстосумов в селе Хохлачевском. Пришлось «Нобеля» переформировать на законном юридическом обосновании в «Лабаз» — закупка и сбыт цветных металлов. Электродвигатели со всех колхозов так и хлынули к лабазнику Уткину, народ ополчился на электрические линии — километры оной исчезали ночами между деревьями. Пропорция сложилась сама собой: киловатт-час электродвигателя равен килограмму меди. Когда добытчик шёл «глушить» мотор, он первым делом прикидывал, какова его мощность. Тогда районные электрики забили тревогу; районный князь, пораскинув широким умом, пришел к выводу, что скоро придется его челяди сидеть с лучиной. «Лабаз» прикрыли. Хорошо, что не завели уголовное дело.

Второй мужчина по прозвищу Кардан — он же всеядный бродяга Кардашков. Лицом рябой, зрением слабый. Временно неработающий. Последнее пристанище — фирма Артура Аркадьевича. Аркадьевич усмотрел в деяниях господина Кардана слишком малый КПД и «попросил» покинуть его незапятнанное заведение. Из уважения к высшему образованию, почти золотой оправе очков разрешил использовать под собственный «офис» гниющий на боку автофургон. Любимый вид спорта у Кардашкова — подъем недокурных сигарет. Любимое блюдо — сьем то, что переварит испорченная пивом и алкогольной дрянью утроба. Самое милое чтиво — последняя страница газеты, на которой печатают объявления: «Требуется...»

Крепыш Серега Бурцев привык партизанить с пеленок. Ходит — грудь голая под любой норд и вест. Бунтовщик. Когда трезвый — мастер-механизатор самой широкой колеи, выпивши — тоже мастер, но колею не уважает, ездит прямо. Не женат и к женщинам почтенья не питает.

— Чего-то надует, — говорит Коля Уткин.

— Такая погодка, черт бы ей... такая погодка напоминает мне один случай, — говорит Кардашков, поправляя на шее женскую шаль. — Пахал я как папа Карло в одном колхозике, черт бы ему... Захотел облегчить труд доярок. Освободить, так сказать, прекрасную половину человечества, черт бы ей... от лошадиной работы...

— Слушай, твой хмырь не парит нам мозги? — обрывает Кардашкова Коля Уткин.

— Обижаешь!.. Ну вот. Иду я к председателю, черт бы ему... так, мол, и так...

— Да заткнись ты со своими доярками! — злится Серега Бурцев.

Днём Кардашков «приватизировал» бочку из-под рыбы и загнал одному порядочному гражданину. Какое-то сомнение было в порядочности покупателя, уж страсть хитрая была у него рожа, прямо иезуитская. Если с парадного входа на магазине красуется вывеска «Гамма», то с черного входа этот же магазин в народе именуется «Грамма». В «Гамме» сухой закон — так записано в уставном обязательстве, в

«Грамм» выдают одну бутылку в руки. Естественно, с предварительным ознакомлением с «кем имеем дело». Продавец не заметила, как бочке товарищ Кардашков «приделал ноги». Покупатель бочке обрадовался, как ребенок свистку. Кардашков сразу поменял имидж: был товарищ Кардашков, стал господин Кардан. Напустил туману с ценами на потребительском рынке, дважды споткнулся о слова «прозрачность и тяготение к прекрасному», показывает гражданину четыре пальца — гражданин отрицательно мотает головой и показывает в ответ два пальца. Господин Кардан резко ударяет по согнутой руке — покупатель помешкал, сообразил и выдал блестящую логарифмическую спираль: плюнул на пальцы, сложил пальцы кукишем и кукиш с вывертом обогнул колено ноги. Сошлись на трех. Бочка была собственностью продавца. Артур Аркадьевич экономит на всем. Додумался: ящики и картонные коробки, бочки и всякая иная тара включается в зарплату продавцов. Хозяин говорит так: «Я торгую, и вы раскручивайтесь».

Из-за угла вышла фигурка в расстегнутом пальто. Все трое невольно сделали из темноты шаг навстречу, только фигурка страшно завизжала и с дикими криками понеслась прочь. Суматоха пошла на полсела. Залаяли собаки, захлопали двери, кто-то пальнул из малокалиберной винтовки в форточку. Такая нервная атмосфера заставила троих наших мужчин искать местечко в опрокинутом «офисе» Кардашкова.

— Ты нас за идиотов держишь? — наступил на Кардашкова Серега Бурцев. — Где твой гад с бочкой?

— Купеческое слово давал, черт бы ему...

Только успели закурить, как фигурка, что раньше унеслась прочь от магазина «Грамма», почему-то нарисовалась перед «офисом», увидела, должно быть, три горящих в темноте огонька и закричала еще страшнее. Крик так и пошёл ломаться между банями, сарайками, хлевами. Мужчины бросились наутёк. Куда? Да куда ноги понесут. Кардашков на бегу стряс очки; Серега Бурцев вырвал с метр ограды, они с Колей Уткиным нырнули в лаз и пропали. Кардашков перегребал руками ржавые консервные

банки, бутылки, журналы и ждал милицейский свисток. Тогда... тогда вихрем налетит милицейская псина и вцепится клыками в задницу.

В этот час вышел из своего дома патриот Сахаров. Мужчина рослый, на живот плечистый. Прислушался к воплям, вздохнул, вспомнился Серега Есенин. Покачал седой головой: Россия...

Сахаров примкнул к партии «Воля и земля». В селе Хохлачевском его усилиями создана региональная группа. Просвещенный народ гадает: вроде была такая партия в России, только называлась «Земля и воля». До того dospорили «деревенщики» с «политиками», что раскололи партию на «Народную волю» и «Черный передел». А Сахаров сразу заявил, что никакого раскола не будет и задача партии диаметрально противоположная: если «Земля и воля» стояла за национализацию земли, то «Воля и земля» стоит на платформе экспансии крепкого хозяина-кулака. И «онегинской строфы» не будет, то есть подражания, и Плеханова ихняя партия в пророки не берёт. Идеолог уже есть, пока это господин «Икс» от правого крыла реформаторов. Простой народ смеётся над партией Сахарова. «Трепло кукурузное» — так обзывают квасного патриота хохлачевцы.

Серега Бурцев с Колей Уткиным хватились Кардашкова.

— Рассказать — не поверят, — говорит Серега Бурцев.

— Ведьма — а... не проняло, так и другой раз, — говорит Коля Уткин.

— Кардан, сволота, улизнул, што ли?

Серега Бурцев с Колей Уткиным топчутся под электрическим фонарем, высвистывают потерявшегося дружка. Мимо идет Сахаров, тросточкой играет.

— О, какие люди, — намеренно сворачивает с дороги к Сереге Бурцеву и Коле Уткину. — Добрый вечер, господа, добрый вечер.

Сахаров театрально приподнимает шляпу.

— Соображаете? — спрашивает Сахаров.

— Не добавишь?.. Товарищ, — тянет руку Серега Бурцев.

— Увы, господа, увы.

Сахаров опять приподнимает шляпу и уходит.

— Сучара... — шипит Серега Бурцев вслед. — Ангел небесный... О всех у него душа болит,

всех землей оделит. Посмотреть охота, как на козе да сохой ковырять свой надел станет. — Далее следует полный душевной боли мат. — Да где этот... черт бы ему в печенку!

Вдоль улицы неся отчаянный крик. Так кричать и визжать могут женщины, если их раздеть среди села донага и пугать зубным врачом.

— Вечерок, — плюётся Коля Уткин. — Днем коммунальщики трубу откапывали, может, кто угодил, а?

— Ладно, глянем.

Создание из ребра Адама, суетливое, маленькое, бегало вокруг колесного трактора. Под кучей железа, без каких-либо претензий на удобства и отсутствие жаждущей крови публики, сражались два гладиатора. На одном гладиаторе от рубахи остались клочья, другой вовсе без рубахи. Борцы были примерно одной весовой категории. Морозов пока не было. Куда бы приятнее барахтаться в снегу, чем стонать задушенному в глубокую грязную колею.

— Саша-аа!.. Саша! Ребята, не надо, не надо...

К русской национальной борьбе еще не написано предисловие. Как начал Илюшенька булавой помахивать, так и пошло-поехало. Живет богатырь в селе, лапоть ковыряет, а силы своей не знает. Про наличие оной не мать-отец поведают, посторонние люди скажут. Вывернет парень из дровень оглоблю и пошел в другое село супостата искать. Отыщет, во всеуслышанье заявит о нанесенных обидах и своих поправленных свободах, да и сойдутся горы. Идет орлом, возвращается ползком.

— Эй, крещеные! — Серега Бурцев крадучись подходит, в судорожно барахтающемся клубке нащупывает брючный ремень и рывком разделяет противников. Оказалось, он оттащил верхнего, с голым торсом борца, с нижнего, дышащего хрипло и тяжело. — Чё не поделили, славяне?

— Ты... ты кто? — гудит борец.

— Я Серега Бурцев, а ты кто?

— Сашка, Ярославович.

— А другой кто?

— Сашка, Владиславович.

— Двоюродники, што ли, Аникины?

— Ну.

— Баранки гну!

Женщина вся дрожала; то одного борца целует да причитает, то другого обнимает да укоряет. А визгу от неё — хоть уши затыкай. Недавние противники медленно приходили в себя. По их сопению можно было судить, что они не остыли от схватки, и не будь на пути Сереги Бурцева, снова сцепятся и будут драться до полной победы.

— Так, братаны, сейчас же обнимитесь и топайте домой. Ну, я кому говорю?.. Смотрите, ребята, не злите меня.

— Саша... и ты, Саша, пожалуйста. Пожалуйста! Я умоляю...

Некоторое время драчуны смотрели друг на друга, хотя, скорее всего, в полуосвещенной улице плохо различали один другого. Неловко обнялись.

— Во-от, — довольный Серега Бурцев попеременно пожимает руки обоим Сашам. — Устроили цирк, тоже мне... Где нахлебались-то?

— Ложкин напоил, — вымученно улыбаясь, отвечает за мужчин женщина. — Дров привезли.

— Напой-ил, а ты што смотрела? — Серега Бурцев начинает проводить воспитательную работу. — Ты где была, я спрашиваю? Поди-ко стоит... Ложкин! — заорал на весь Хохлачевск. — Вилкин, сучья морда!

— Доорешь, менты наскочат, — Коля Уткин тащит Серегу Бурцева прочь.

Вернулись к «офису» Кардашкова. Посвистели, покричали.

— Ты знаешь, куда этот Сахаров лыжи навестрил? — спрашивает Коля Уткин.

— Горбатого лепить, куда.

— На именины! К этой крашеной стерве мадам Спасской. Не читал, что ли, поздравлений в газете?

— К Спасской, значит... Ну-ну. Газет пятилетку в руках не держал, а надо бы иногда почитывать. Пёс с ней: пускай! Нам с тобой какая радость?.. Пойду-ко я до своей хибары, — говорит Серега Бурцев.

Товарищ Кардашков насобирав много стеклопосуды. Его «офис» без окон и дверей в свете горящей свечи похож на судилище инквизиторов. В роли присяжных заседателей выступают голые или почти голые бабы. Стены в наклеенных журнальных вырезках, эдакая галерея соблазнительных особ. Кто упустил фургон страстями, Кардашков не ведал. Таким он достался ему «обжитым» и «обласканным». Магазин «Гамма» заперт и тёмн, улицы, оживленные днем, пусты и безлюдны. Кардашков замочил свою «пушнину» в ржавой ванне и теперь доводит её до товарной кондиции. Курит, сдирает наклейки, моет бутылки. Вода холодная; разгибается, дует в кулаки и смотрит на еле заметную серебриющуюся поверхность райцентровского отстойника. Когда-то по берегам водоёма гнездились утки, нынче парная вонь не даёт окрылиться даже комарам. Веселого и приятного мало, еще страшнее думать, что под этим серебром застыл и застывшим будет лежать до полного разложения, например, труп. Он никому не нужен; случись при свете увидеть труп идущей на пастбище с козой женщине, что разве ойкнет испуганно, побежит прочь, а чтобы пожалеть, заплакать, перекрестить утопленника или пожелать вечного покоя... «Такова, видно, судьба-а...»

Из пространного состояния выводит приход самого Артура Аркадьевича. Это низкорослый, юркий и не столько толстый, сколько крепкий здоровьем человек, с бегающими глазами и волчьей шеей. Носит бородку «сердечко». Артур Аркадьевич снисходительно улыбнулся, подпирая руками бока, сказал:

— Тут я доподлинно узнал, почему она, копечка. Привет от старых штиблет.

— Здравствуйте, Артур Аркадьевич.

— Протасил бы переноску, чего со свечкой...

— Как бы хозяина, черт... не разорить, — сказал Кардашков.

— Да брось, — улыбка Артура Аркадьевича стала благосклоннее, красноватые щеки надулись. — На природу не желаешь? Собирается небольшая шара, хотим отдохнуть от трудов праведных. Товарищ ты надежный, вот и думаю...

Кардашков даже растерялся от похвалы. Он стоял молча, держал в руке бутылку и ногтем скрёб наклейку. Некрасивое лицо его потеряло выражение грубости, оно стало кротким, задумчивым. Поставил бутылку в ящик, снял очки, протер стекла грязным носовым платком. Артур Аркадьевич почуял неладное в поведении Кардашкова, — не первый год знают, подыграл:

— Думаю расширить дело, есть наметка взять тебя...

Кардашков не был расположен к сентиментальному вздору Артура Аркадьевича, потому загорячился, возвышая голос почти до крика:

— Нравится травить?! Трави! Окучивай!

— А ты не ори, чего разорался? Не согласен, так и скажи, чего орать. Не раз тебе говорил и еще повторюсь поговоркой: на полатах лежать — ломтя не видать.

Кардашков закусил до боли губу. И ему вдруг стало жалко себя. Прожил пятьдесят лет, семью растерял, богатства не нажил, чего он хорошее видел в жизни, кроме нужды и лишений? Горбатился, добывал копеечку, ютился в чужих квартирах, голодал и... пропивал копеечку. Много раз он вспоминал отцовский дом, не раз грезил вернуться в детство и однажды выйти на крылечко молодым, веселым и... трезвым.

— Рыбачить? — спросил Кардашков тихим голосом и опустил глаза, потому что Артур Аркадьевич поглядел на него так, как ястреб глядит на добычу.

— Ага. Корешей своих свистни. Ну-у, — похлопал по сгорбленной спине Кардашкова, — держи хвост пистолетом!

Артур Аркадьевич вышел из тюрьмы как раз вовремя. Гарант порядка Борис Ельцин благополучно перебрался с танка в Кремль. И пока верхи растерянно гадали, как и куда плывет неуправляемый корабль, такие как Артур Аркадьевич обделывали свои делишки. Сумел приватизировать у военных три «КамАЗа», каким-то образом прибрал к рукам гордость Хохлачевска — кирпичную мастерскую «Сельхозтехники», быстро построил сеть продуктовых магазинов. Под его дудку закрутились падкие жернова: сыпь, все сметется!

Нашел Кардашков Колю Галкина, привет от Аркадьевича принес.

— Да пошел он в баню! — отреагировал Коля Галкин.

— С холодным душем, — поправил Кардашков.

— Буржуй недорезанный! Сам-то в воду не полезет, мальчики полезут! Тебе что, под седом у него ходишь.

— Завтра около одиннадцати, черт бы его...

Серегу Бурцева Кардашков нашел у одной старушки. Та попросила застеклить парниковые рамы. Заложив руки за голову, лежал как мертвый на старом диване и смотрел в потолок. Тень от носа лежала на лбу в форме вырезанного пряника. Губы плотно сжаты. Кардашков испугался: уж не помер ли? Но, увидев Кардашкова, Серега сделал гримасу и посмотрел вопросительно.

— Бугай рыбу зовёт ботать, черт бы её...

— Рыбу? — спросил Серега Бурцев, сел на диване, улыбнулся той горькой и неопределенно глупой улыбкой, какой улыбается добрый человек в минуту страдания, — да мы ему рабы, што ли?

— Рабы не рабы... дак что скажешь?

— Что, что, — Серега решительно тряхнул головой, тяжело вздохнул, — вроде в должниках хожу... да-а, вот продашь душу дьяволу и... ползи в воду.

Из районной знати Артур Аркадьевич пригласил двоих: охотоведа Степана Босого и заведующую отделом культуры мадам Спасскую. Мадам Спасской тридцать восемь лет, недавно развелась со вторым мужем. Она оделась в шубу, теплые сапоги, её в автобус под руки, как породистую лошадь, заводили Артур Аркадьевич и Степан Босой. Мадам Спасская потрепала бородищу Степана Босого и что-то шепнула на ухо. Охотовед прыснул в кулак, оглянулся на идущих сзади Колю Уткина и Серегу Бурцева; те сразу отвели глаза в сторону. Разве есть тайны в селе Хохлачевском? Автобус часа два добирался по раскисшей дороге до реки, и все это время Коля Уткин с заднего сиденья глядел на строгий, полугреческий профиль женщины, на длинные ресницы, карие глаза, блестящие иногда как два перочинных ножика, на алые губы, изредка насмешливо улыбающиеся, на лоб с пушком и га-

дал: за каким чертом она-то едет? Мужики нажрут водки, а она?.. Мысленно старался разгадать значение улыбки; он не был любопытным от природы и любопытствовал с явным желанием выставить поездку мадам Спасской с чисто коммерческой стороны.

Из автобуса высыпали, всех охватило металлическим осенним холодом. Мадам Спасская попросила кого-нибудь поднять воротник её шубы. Воздух казался серым; всюду, куда смотрели люди, чувствовалось предзимье — вода лизала тонюсенькие забереги, в смутной некошешной низине возились настороженные шорохи, воздух тащит воображение вдаль бесконечным своим пространством. Облюбовали метрах в десяти от берега подгрызенное бобрами упавшее дерево. Возле него и развели костер.

Разводили и дровишки бегом носили низшие чины, их благородия уселись на дерево и предались разговорам.

— Молодец вы, Артур Аркадьевич, — говорит мадам Спасская. — Не зря говорят: в убогом монастыре игумен сам по воду ходит, а у вас: богатому и черт ребенка качает.

— Эх, душечка! И я отвечу пословицей: блюди хлеб на обед, а слово на ответ. Уж мы-то с вами знаем, с каких облаков денежки сыплются. Во-он через реку на угоре видите деревню? То моя родина, — говорил Артур Аркадьевич. — Там пуп резан. Батяня один остался... А ниже, во-он за теми березами? Там я после третьего класса уже сено на кобыле обваживал. Да-а, раньше росли мы дикой травой, сыт ли, обут ли... Батяня раз схватил за ухо, а ну его драть. В ушах звенит, рыдания захватили горло... Советская закалка!

Низшим чинам налили по стакану водки.

— Ну, — скомандовал Артур Аркадьевич, — штаны долой, хватай бредень и быстренько... быстренько, ребята! Я забегу вперед, укажу, до какого места тащить, разворот и на берег.

Сергея Бурцев посмотрел на Артура Аркадьевича как человек озадаченный, сморщил лоб.

— Что не ясно, ребята? — спросил Артур Аркадьевич.

— Да всё ясно.

— Тогда — вперед на танки!

— Трусы тоже снимать? — должно быть, назло

«их благородию» с вызовом спросил Кардашков, оттягивая резинку на пестрых «семейниках».

— Думаю... — Артур Аркадьевич посмотрел на мадам Спасскую. — Оставь.

Первый заход был скудным. Мадам Спасская как глянула в бредень, так и прыснула от смеху. Переглянулись Артур Аркадьевич со Степаном Босым; с враждебной усмешкой, смешанной с хитрой злостью, Артур Аркадьевич смотрит на посиневших, кокающих зубами рыбаков.

— Придется, друзья мои, еще разок. Рыба на глубину ушла.

— Давай, — соглашается Серега Бурцев, — в воде теплее.

Другой раз протащили бредень вверх по течению и опустили вниз. На этот раз в сетке билась четыре крупные рыбыны. Кардашковы «семейники» остались на дне реки.

— Во! — радуется Степан Босой. — Куда с добром!

Нижние чины сидят в автобусе, потягивают водочку, закусывают килькой, разговоры ведут всякие. Сырое белье сушится собственным телом. В автобусе тепло, светло и мухи не кусают.

Проходит час. Говор в автобусе становится сильнее. Все трое встают с мест, все говорят, курят, водитель пробует успокоить, но его отсылают «к такой матери». А у костра смех, шуточки. «Их благородия» пьют коньяк маленькими глоточками, тосты, смех, шуточки. Уха была отменная. Мадам Спасская такой «веком не едала».

— Друзья мои, отдаю младшенькую замуж, — говорит Артур Аркадьевич.

Мадам Спасская захлопала в ладоши. Поглядывает на Артура Аркадьевича с деланной вежливой улыбкой, а про себя сравнивает округлость его затылка с жирным свиным окороком.

— Но... одно «но»: дочке надо приданое.

— Вам ли слезу лить, всеильный Аркадьич? — говорит Степан Босой.

— Это вы зря, господа. Ванька Черный меня за пояс заткнёт своим капиталом. Помощи прошу: хочу подарить магазин «Универмаг».

— Неплохой прицел, — говорит Степан Босой.

— И чем же мы поможем? — интересуется мадам Спасская.

— Побывать на аукционе у Толи Барсукова.

– И сбить ставку? – добавляет мадам Спасская. Она смотрит на Степана Босого, а рука так и тянется к его бородище.

– Да.

– Что, Степа, скажет, а?.. Степушка-а!

– Ваньку-закарпатца мы приструним. Но Тоха, Тоха Барсуков...

– Вот и думайте, друзья мои, должна быть у Барсукова слабость, должна.

Обижен Артур Аркадьевич на закарпатца Ивана Чокэра. Приехал этот Чокэр пёс знает откуда и как в иглу вдел. Речи льстивые, распевные, боженькой прикрывается, а хватка волчья, что худо лежит, все к нему в руки бежит. Чокэр постоянно кого-нибудь приглашает в гости, сам печет пироги и колдует у плиты. Он как мешок набит пищей; первый тост поднимает за славян и песню заводит русскую «Спят крутые белые отроги, не грусти, калина, у дороги...»; следующие тосты тоже за славян, но песни только украинские. Хочешь не хочешь, а подтягивать, даже не зная слов, надо. Раньше Артура начал торговать паленой водкой, раньше Сахарова начал спекулировать картошкой, в колхозные леса забрался не без «мохнатой руки» директора «сельлесхоза». Первым в районе начал крутить с лесом – лес берёт, деньги через полгода отдает, и то когда наглую рожу «почистят» русской рукавицей.

Вышел Кардашков помочиться за автобус, прислушался: ветер гудит. С ленивым равнодушием шарит глазами вокруг. Небо замерло в серой громаде облаков. Весь некошенный наволок как облит коричневой краской. День за днем трава клонилась и клонилась к долу и легла, и стоят лишь маленькие почерневшие снопики. Смотрит на эти снопики Кардашков – не шелохнется стебелек, а ветер гудит – «верхом идет, видно, на сутках забуторит», – думает.

Сергея Бурцев порывается идти за добавкой – кончилась водка. Водитель умоляет не нарываться на грубость. Сам сходил, несёт полбутылки коньяку.

– Кардан, не твоя моча? – хохочет Сергей Бурцев, взбалтывая в бутылке жидкость. – Тогда Ваньки Черного! Или его вола закарпатского!

Испробовав коньяк, Сергей Бурцев делает кислую гримасу.

– Как и пьют-то... Долго они там?

Поехали домой. Нижние чины качались на задних сиденьях. Счастливая мадам Спасская навалилась на Степана Босого. Сидящий напротив Артур Аркадьевич, веселый и непоседливый, говорил тихо, не для ушей с задних мест.

Нижние чины тоже не сидели молча, говорили на злобу дня. У каждого из них был свой Иерусалим. Общей была неприязнь к «их благородиям». Глаза Сереги Бурцева налились кровью и сверкали как горячие угли. Тяжело дыша, он поднимался с места; шофер автобуса видел в зеркало заднего вида, что на задних сиденьях зреет скандал, намеренно направлял машину под «качок» – Серега не мог устоять на месте, да и Коля Галкин с Кардашковым висли на нем гириями.

– Гудят рыбаки-то, – шепчет мадам Спасская на ухо Степану Босому.

– Плюнь.

– В твое ухо?

Степан Босой, не стесняясь Артура Аркадьевича и водителя, обнял мадам Спасскую, прижал к себе. И поцеловал в губы.

Забуксовали; машину вытащил проезжающий мимо на тракторе Сашка Ярославович.

4

Вразвалочку идет Иван Чокэр. Кум румынскому конюху, сват венгерскому брадобрею. Его знает весь Хохлачевск и его окрестности. Это тот самый закарпатец, кто трусил лет двадцать назад на стареньком самосвальчике от карьера до коммунальной бани, кто за «большое» спасибо просил заклеить камеру, ибо жена, проклятая кацапка, любит выбивать из его портов не одну пыль, она выбьет любую заначку. Широко расправил крылья Иван Чокэр. Конюшня, кафе, ночной ресторан, магазины, – с завистью смотрят на чужое прирастающее богатство простые хохлачевцы. Иван не раз подсмеивался над усердными «правдоискателями»:

– Вы, русские, брат брата согласны сгноить в тюрьме, лишь бы один не зажил богаче другого на гривну.

Чокэр верен живописным краскам своей ро-

дины. Его рубашки вышиты руками закарпатских женщин, свитка нарядна и красна. Он приветлив; первым тянет руку всякому пьянице, крепко пожимает протянутую ему руку и заглядывает в глаза. Артур Аркадьевич уже рассчитывается с плохими работниками на американский манер пинком под зад, а Иван Чокэр будет воспитывать и совестить человека, пока не убедится, что глупого учить — что мертвого лечить. Но притворен Иван Чокэр: богатство не падает с небес; со ступенечки да на ступенечку, все выше и выше надо подниматься, прощать обиды, не замечать унижения, соль пудами лопать и грязь сапогами топтать, идти на сделку со своей совестью, чтоб стать богатым. Так пусть те, кто плывет следом, нахлебаются по самую завязку всякого дерьма; пусть они тоже будут богаты! Сколько он побился, чтоб Кардашков жил как человек, — зря. Даст машину, даст денег — езжай, закупай у крестьян картошку, закупай, ищи рынок сбыта и торгуй. Девяносто процентов выручки Чокэру, десять Кардашкову. «Ты же институт кончил!» — не в коня овес. Сразу на дыбы: «Тебе девяносто?!» «Так ты возьми ручку, возьми бумагу, ты сведи «приход-расход», неужели ума не хватит?» Ума у Кардашкова хватало на другое. Он сделал Чокэру подпольный водочный мини-завод. Изначально о водке и речи не было, была задумка выпускать прохладительные напитки. Кардашков долго рисовал красочную наклейку. Яблони в цвету, качели, на качелях целуются парубок и дивчина, а по склону мужик на волах пашет землю. Наверху, в лучах солнца, как венец царский, слово «Нойроби». Иван Чокэр остался доволен качелями, яблонями, молодой четой, подозрение вызвали волю. «Прошлый год был на родине, ни одного вола не увидел». «Экологически чистый продукт!» — сказал автор. Про слово «Нойроби» Иван Чокэр спрашивать не стал, сам догадался: Ной — богу угодный человек, а роби — пей больше! Напиток шел на расхват. Потом изобретатель стал добавлять в варево траву девятысил и всевозможные десиканты, попросил разрешения разбавить для пробы спиртом и получился бьющий по мозгам раскупаемый товар. Пришлось нанять по-

мощницу Кардашкову, один не успевал. Мощница не верила знаниям хохлачевского алхимика Кардашкова, часто снимала пробы, плакала, кляла американцев, что увезли её деток в детдом. И самого Кардашкова непонятная сила стала отбрасывать с веслом от котла. А однажды изобретателя и рационализатора Кардашкова нашли еле живого на берегу коммунального отстойника. Туловище в вонючей жиже, голова на доске. Чокэру дал честное благородное слово, что никому не скажет про паленую водку, лишь бы Иван Чокэр изредка, раза три в неделю, давал ему по бутылке «Нойроби». Чокэр пообещал другое:

— Гавкнешь — и труп.

Сегодня день престижа: решается судьба двухэтажного магазина. Тот, кто будет его хозяином, будет большим человеком в Хохлачевске.

Параллельной улицей идет в енотовой шубе и шапке из собачьей шкуры Степан Босой. Могучей дланью тряхнул он окрестные боры, зверь и птица подались с обжитых мест ближе к Полярному кругу. У Степана в кунаках охотники из США, Германии, Швеции, Ирана. Большое стадо лосей выхлестал Степан, чтоб купить роскошную машину за тридцать тысяч долларов. Охотовед Степан Босой однажды написал в газете опровержение на выпады в свой адрес: «...при нищенской зарплате в девятьсот рублей... да я лучше пойду служить в Иностраннный легион...» К слову сказать, на девятьсот рублей можно купить три коробка спичек. Практичного ума чиновники едут из белокаменной на охоты к Степану Босому как князя в свои вотчины.

Сахаров и трое рядовых членов его партии, тяготеющих к пороку, деньгам и власти королей, заняли места в разных точках зала. Официальное лицо партии «Воля и земля» поприветствует победителя торгов, выразит надежду, что отныне партия «Воля и земля» приобрела в лице владельца этого добротного магазина... и т.д. Сахаров будет участвовать в торгах и сам. Мадам Спасская до аукциона оказывала на Анатолия Барсукова внушение, якобы по просьбе главы администрации Хохлачевского района; виляла задом, понуждая злого беса пустить мысли

Анатолия по пути раскрепощения страстей; напонила, что вместе прошли комсомольскую школу воспитания подрастающего поколения и ему надо прислушаться к голосу разума. Взятки не предлагала. Коля Уткин, Кардашков, Серега Бурцев тоже в зале. Артур Аркадьевич авансировал их на входные билеты. Кардашков попросил возмещение материального ущерба — труссы-«семейники» — дал на трусы. Трусы приятели не купили, решили деньги пропить после аукциона. С неопишным наслаждением людей, хоть на час приблизившихся к хохлачевским толстосумам, уселись они в роскошно устланные кресла; гостеприимство торговцев государственным имуществом на данный момент тем отличалось от гостеприимства древних купцов, что ноги этих босяков не были омыты руками хозяев аукциона.

Анатолий Барсуков — главный на торгах. Он сидит за массивным столом бывшего первого секретаря райкома партии, перед ним пачка бумаг. По этому столу в былое время колотили кулаками крепко. Главный изучает волю обиженных масс. Сверху записка. Доброхот наказывал левой рукой: «Жид Сахаров в этом помещении откроет публичный дом». Прочитал, отложил. Следующая отпечатана на машинке: «Не будь скотиной, устыдись покойников». Еще записки с рекомендациями и наставлениями. Последняя была самая хорошая: «Коммуныга, мы тебе отрежем шишку».

Анатолий Барсуков назвал стартовую цену аукциона. В зале воцарилась натянутая тишина. Люди затаили свои чувства. Что поделаешь: торг повольный — купец любовный. Посидели и начали переглядываться. Толстая бухгалтерша фирмы «Дым отечества» (Артур Аркадьевич) вцепилась растопыренными пальцами в спинку впереди стоящего стула. Её грудь работает, что кузнечный мех, прожженный пьяным кузнецом. Артур Аркадьевич поставил жесткое условие: или магазин наш, или, барышня, вам расчет. Не раз представляла себе картину свадьбы и как Артур Аркадьевич положит на блюдечко перед дочерью ключи от этого магазина. И будут на свадьбе такие, кто подавится собственной слюной, кто про себя пожелает в первую ночь... много всего

«хорошего». Она тоже пожелает про себя Артура Аркадьевичу еще раз побывать в тюрьме. Словно в каком-то забвении, восторженно напрягаясь и боясь, что будет не услышан, Кардашков увеличил на один шаг названную сумму. Анатолий Барсуков не поднял молоток и вообще отнесся к словам Кардашкова наплевательски. Будто их и не слышал. Больно стало Кардашкову за свою изъясненную жизнь; снял очки, протирает стекла подолом рубахи, а слезы бегут и бегут по лицу.

— Несерьезно, господа капиталисты, — сказал Анатолий Барсуков.

Анатолий Барсуков когда-то был вторым секретарем райкома партии. Про реформы, про муть, про умных воров и подлых чиновников много сказок сказано, еще больше будет сочинено. Два слова, если можно: честен, неподкупен. Это про Анатолия Барсукова. Чем он только не торговал, но всегда старался в кассу государства выколотить как можно больше ворованных денег. То, что деньги на покупку хотя бы этого магазина нажиты воровским путем, ни у кого сомнения не вызывает. Нынче на дневную зарплату можно купить буханку хлеба, таблетку крысиного яда и три полена дров. Он пишет статьи в районную газету под псевдонимом «А-Я. Генри». Глава районной администрации пока терпит его: демократию нельзя кастрировать. Пусть все видят, как терпима новая власть к инакомыслящим, что имущество района не разворовывается, а продается по-божески, лесу хватит на всех, на кладбищах порядок, а что колхозы умирают — это естественный поворот истории, смелее, господа, делите землю и богатейте!

Мадам Спасская незаметно посылает воздушный поцелуй Анатолию Барсукову. Толстая бухгалтерша фирмы «Дым отечества» выпустила пузырь воздуха, платочек из-под левой груди переложила под правую.

— Итак, шесть миллиардов рублей, — говорит Анатолий Барсуков.

— Охрендеть можно, — сказали в зале.

— Три мешка денег... Не пойдет!

— По частям давай!

— Это как по частям? — спрашивает Анатолий Барсуков.

— Просто, — встает со стула Степан Босой. — Подвал — отдельно, первый этаж — отдельно, второй — отдельно. Предлагаю начать со второго этажа.

— Лучше с чердачного помещения, — с сарказмом вторит Анатолий Барсуков. — Все мы знаем прочность советских фундаментов, при деньгах и желании сварганить третий этаж как с колокольни пописать на всех и каждого.

— Идея... Согласны!

— Кто там шагает правой?.. Господин Уткин? Никак вы ломанули банк? — издевается Анатолий Барсуков.

Полчаса гудел зал. Много раз поднимал молоток Анатолий Барсуков и опускал: даже планку стартовой цены никто не осилил.

— Торги переносятся на пятницу.

Удар молотка. Народ повалил из помещения.

Толстая бухгалтерша фирмы «Дым отечества» подошла к аукционисту, осторожно сказала:

— Сбавь, Толя.

— Нельзя. Свадьба, — тихо засмеялся Анатолий Барсуков

— Сожрут.

— Подавятся.

На улице Иван Чокэр встречается с Артуром Аркадьевичем. Иван Чокэр тянет руку, Артур Аркадьевич жмет её. Оказывается, Артур Аркадьевич сидел в машине и, едва народ повалил из зала, вышел навстречу.

— Господь велик и многомилостив к сирым. Приходи, браточек, в пятницу бодаться, — говорит Иван Чокэр. Изобразил на лице самое почтительное внимание.

— До пятницы рога остынут. Если не возражаешь, браточек, я тебе сегодня намну холку. Сказывают, хлеба печёшь великолепные?

— Мой дом — твой дом, всегда рад, всегда рад...

5

Аркадий Михайлович вышел встречать наступающую зиму. Сошел с крыльца и остался стоять, навалившись на баюг. Ушел вечер, уже смотрели в далёкое осенние зеленые звезды. Деревня сидела перед экранами телевизоров. В су-

меречных окнах сновали маемой разноцветные огни; он стоял и слушал, никому неведомый.

На другой день с утра подошел к зеркалу: чего это на деревне говорить начали, что Аркаша Мишенков худ стал? Провел руками по тощим бокам, по впалой груди, по синим полоскам под глазами и удовлетворенно сказал:

— Вроде... вроде ещё в атаку поднимемся. Комиссарки? Я кого спрашиваю: зиму ещё испотчем?

К нему пришла жена Аполлона рыжего, дай, говорит, пол вымою. Аркадий Михайлович спрятал под взъерошенные брови глаза. Он сел на лавку под самое окно, потом встал, походил по избе и снова сел. Баба Аполлона рыжего чем-то походила на «комиссарку», что зовет «досадой».

— Та-ак... Видно, та-аак.

— Ты это... без всякого, Аполлон послал. То ведь шурупить вы... мастаки.

Пол полом, а сначала решила рамки с фотографиями обтереть полотенцем. Сняла одну, к свету разглядывает.

— Мы тоже с Аполлоном из последних кишков старались образование детям дать, паспорта добыть, из колхозу вытолкать, доживать стали — сиротливо в избе. Какой Артур-то ваш... к березке прижался. Кепочка набекрень... бают, большущий магазин оттяпал. С аукциона. Ныне на спор наше добро делят, кто боле даст. Омманул паразит Никита со светлым коммунизмом.

Не по себе стало Аркадию Михайловичу от таких слов. Будто не сын, будто он захапал магазин. Насупился, кулаки сжал. А баба Аполлона рыжего другую карточку отирает.

— Долго не бывал средний-то... В науку ушел. Детей так и не завели?

— Кладбище еще не продают? — строго спросил Аркадий Михайлович.

— Господь с тобой, — обескураженно ответила женщина. — Што ты, што ты, сосед, али я в обиду баю? Моду продернули всё продавать... Настя-то у нашей бани снималась. Старший-то сынок у неё объявился?

— Не объявился.

— Штобы Катерине при родителях не жить, нет, врачихой стану... Вроде в Казани, или пугаю?

– В ней.

– А младший ваш Мишка Баумана институт кончил, бают, плавает?

У Аркадия Михайловича вырвалось наружу хриплое дыхание. Крикнул голосом осипшим, напугал добровольную уборщицу:

– За разбой сидит, плавает!.. Да не трави ты душу, мой, коль мыть пришла!

Потом пришла молодая цыганка. Выложила на стол товары: бери, дед.

– Ты гадать умеешь? – спросил Аркадий Михайлович.

– Нет.

– Жаль. Наше от нас оторвалось... Вот я тебе расскажу, а ты сядь да послушай. Давно это было, ты, поди-ко, и не родилась. Привезли мы дров на тракторе одному хозяину. Разгрузили сани, сидим за столом. Тащится цыганка. Старая, тощая, юбок на ней много. Озябла. Села к печке, навалилась, на нас за столом смотрит. Глаза усталые. А мы орем, пьём, согласны гармонь с полатей достать. Хозяин и давай цыганку выгонять. Я заступился. Пускай, говорю, посидит, будь ты человеком. А хозяин ерепенится: уходи, нечего вшей трясти. И тут на меня как прикачнуло. Дай-ко, говорю хозяину, што мне причитается. Тот из кошеля синицу с обидой выдернул, подал. Я деньги цыганке, еще пирог со стола в придачу. Она пирог в эдакую шаль на поясе опустила и говорит хозяину: «Душа у тебя студеная, и умрешь ты в студеной избе за студеной печью, и лежать будешь, пока в лёд не изойдёшь». Ведь как в воду глядела, так и случилось потом. Вот што она мне сказала?.. Ты глянь на мою руку, иссохла, не такая, а все же... Неужели ничего? Ведь бабка твоя чего-то видела...

На другое утро жена Аполлона рыжего смотрит в окно: чего это у Аркаши Мишёнка свет всю ночь горит? Бежит, Аркадий Михайлович как сидел под окном, так под окном и с душой расстался. Грамоты за доблестный труд в колхозе по полу рассыпались.

Дали знать Артуру Аркадьевичу. Тот привез гроб, попросил старух обмыть отца и снарядить в последний путь.

Могилу копали Коля Галкин, Серега Бурцев и Кардашков. Аполлон рыжий выговор сделал Артуру Аркадьевичу:

– Могли бы и наши мужики выкопать, не чужой.

Два брата и три сестры на телеграммы Артура ответили одинаково: не приедем, нет денег на билет. Из племянников и племянниц один откликнулся, сын младшего брата: «До дембеля девять дней приеду женой буду жить доме деда». Младший брат с тюремных нар известия о себе не прислал. Спросил Артур Аркадьевич младшую дочь, не поедет ли с дедом прощаться, та досадливо изогнулась, обняла отца, чмокнула в крепкую шею, виновато сказала:

– Пап, столько дел...

Вся деревня прощалась с солдатом Великой Отечественной войны. Речей не было. Аполлон рыжий долго кричал, дул в кулак, переминался с ноги на ногу, собирался выступить и не мог насмелиться. Умри старый вояка при коммунистах, чего доброго из райкома партии прислали бы «попа» отпевать, нынче коммунисты стали забиваться в подполье, у партии «Воля и земля» на селе плацдарм в одну соплю. Первый снег не мог обвалить кладбищенскую сыть; не по себе говорливому Манкину, даже стыдно: отошёл ото всех, ищет могилку бабки, надо бы, раз случай привёл, помянуть бабку... помянуть да и оградку по весне новую поставит! Не помнит он свою бабку живой, а на деревне нет-нет да и вспомнят заветные бабкины слова: «Мера земная – горсть, мера небесная – вечность». Аркашу Мишёнка хоронили с тыльного конца кладбища, возле его отца, – так пожелал. Мало народу «гостит» на этом углу «большой деревни». Обвалились оградки, чернеют сгнившие кресты, ржавеют пятиконечные звездочки. Старухи жалостливо смотрели в Аркашино лицо, хлюпали носами, вытирали глаза. На крышке гроба лежала небольшая красная подушечка с орденом и медалями.

Артур Аркадьевич положил красную подушечку с орденом и медалями отцу на грудь, постоял над телом, сказал:

– Отвоевался, значит... Прости, батя.

Встрепенулся Коля Уткин; Серега Бурцев поплевал в ладони; Кардашков начал лениво протирать свои очки подолом рубахи – Серега Бурцев толкнул его в бок не особо вежливо: кончай ты сырость разводить, без тебя тошно,

дело надо делать; по лицам старух пробежал холодный ветер.

Обсевшие кладбищенские березы вороны дожидались праздника.

Подпил Аполлон рыжий — по полной программе, с рыжиками, со слезами, в тоскливом одиночестве поминал на кухне умершего соседа, проступившие сопли вытирал оконной занавеской. Назло жене — не ходи в задир, квашня! «Картофельные деньги» отоварил водкой. Жена или дремала, или внимала иностранному кино лежа на диване — телевизор шепелявил — Аполлона мутит от заграничных мыльных опер про любовь. Отодвинет занавеску на окне Аполлон рыжий, всматривается в темноту ночи, пытаясь разглядеть огонёк в доме Аркаши Мишёнка, спохватится: трижды человек дивен бывает: родится, женится и умирает. «Эхе-хе, — скажет сам себе, — докомиссарили. Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны. Выставить бы на торги свои законные тридцать соток земли, это сколько бы дали?.. А ни хрена не дадут, омманут!»

Вышел Аполлон с рыжиком на вилке — чего в телевизоре добрый час не могут разобраться с этой любовью? Пытается сообразить, что за нация такая сегодня поёт и плачет вместе с ним. Не зря сказано: чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо громоздки: у каждой бабы или девки по родинке во лбу, а материей

как облигациями сплошь обмотаны... батюшки! да сущий обман! Всякие изъяны тела скрыты! Оттого ихние бабы и девки упитанные, про нашей российской каши не хлебали... ишь, как выплясывают, как животами наяправляют... вроде с виду неповортливые, а какие змеюги верткие! А мужики, гусаки сытые, длинноносые, наверно, одно на уме у таких гусаков: выстегнуть кулачищем глаз нашему нищему колхознику; что те Артур, сын Аркаши Мишёнка, — все беды на Руси от этой окаянной Америки! И тогда швырнул Аполлон вилку с рыжиком в помойное ведро, давай жене чинить допрос с пристрастием: чего три месяца после свадьбы «не давала»?

□

Станислав Михайлович МИШНЕВ

родился в д. Ярыгино Тарногского района Вологодской области.

Из потомственных крестьян-колхозников.

Образование высшее.

Автор книг: «Последний мужик», «Пятая липа», «Яшикино просветление», «Из разного теста».

Печатался в журналах: «Слово», «Роман-газета», «Вологодский лад», «Берегиня дома твоего», «Север», «Библио-поле» и др.

Лауреат конкурса короткого рассказа имени В. М. Шукшина.

Член Союза писателей России.

